



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки: немецкий) (филологические науки)

УДК 811.1/2

¹ Горшков И.П.

¹ Государственный университет просвещения

Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи

Аннотация: в данной статье основным объектом исследования послужили тексты притч, которые как в немецкой религиозной традиции, так и в других культурах играют важную роль в передаче моральных и духовных уроков. Для анализа отобрано восемь текстов религиозных притч. В статье представляется их сопоставительный анализ на примере притчи августинского монаха Абрахама а Санта-Клара и одной евангельской притчи с применением двустороннего подхода к рассмотрению притчи как типа текста и как литературного жанра. На первом этапе анализа данный подход позволил выделить не только иерархическую картину пяти текстовых категорий, участвующих в формировании притчи, но и доминантных категорий среди них. На второй этапе описывается активность инвариантных признаков каждой из приведенных категорий в реализации жанровых характеристик притчи. Интерпретация полученных результатов позволила провести параллели между участием текстовых категорий в формировании этого жанра и построении типа текста, что является особенно важным при восприятии притчи читателем.

Ключевые слова: немецкая религиозная притча, доминантность текстовых категорий, жанр, тип текста

Для цитирования: Горшков И.П. Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 189 – 195.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gorshkov I.P.

¹ Federal State University of Education

The influence of the dominance of textual categories on the interpretation of German religious parables

Abstract: in this article, the main object of study is the texts of parables, which play an important role in conveying moral and spiritual lessons in both the German religious tradition and other cultures. Eight religious parables were selected for analysis. The article presents a comparative analysis of these parables using the example of the parable of Augustine's Abraham and Santa Clara and one Gospel parable, applying a two-pronged approach to examining the parable as a type of text and as a literary genre. At the first stage of analysis, this approach made it possible to identify not only a hierarchical picture of the five text categories involved in the formation of the parable, but also the dominant categories among them. The second stage describes the activity of the invariant features of each of the categories in the realization of the genre characteristics of the parable. The interpretation of the results obtained allowed us to draw parallels between the participation of text categories in the formation of this genre and the construction of the text type, which is especially important for the reader's perception of the parable.

Keywords: German religious parable, dominance of textual categories, genre, text type

For citation: Gorshkov I.P. The influence of the dominance of textual categories on the interpretation of German religious parables. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 189 – 195.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Притчи являются основополагающими религиозными и философскими текстами в христианской и еврейской культурах. Они выступают в качестве фундамента изречений богословов и многих библейских книг. В частности, с помощью евангельских притч раскрывается не только жизнь Иисуса Христа, но его мудрость в виде поучений и наставлений [9].

Священник и магистр богословия Дионисий Каменщиков отмечает, что в Священном Писании встречаются два вида притч: паримии и параволи [4]. От этих двух греческих слов и произошло само понятие притчи. Паримии являются короткими духовными изречениями и их количество достаточно велико [10]. Параволи всего насчитывают тридцать три, и они представляют из себя сюжетные повествования, репрезентирующие иносказательные отсылки через житейские образы и ситуации [8].

Для притч характерно использование понятия так называемых «операциональных языков описания мира», которое ввел А.Г. Максапетян, что делает их предметными и подходящими для восприятия разными слоями общества [7]. Измайлова М.А. и Левченко М.Н. отмечают отсутствие темпоральных, локальных и индивидуальных маркеров, что дополнительно подчеркивает актуальность религиозных текстов вне зависимости от времени и места и, соответственно, их универсальность [3, 5].

Алексеева Е.М. и Велижанина Е.М. в своих работах, рассматривающих возможность интерпретации сакрально-религиозных текстов подчеркивают необходимость более детального изучения и анализа религиозных притч с точки зрения лингвостилистического подхода [1, 2].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили восемь религиозных немецкоязычных притч монахов и евангельских притч [11, 12]. Основной целью статьи является оценка влияния доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи. Для достижения данной цели применялись контекстуальный метод и метод сопоставительного анализа, чтобы выявить и отнести характерные языковые сигналы к каждой из названных пяти текстовых категорий, а также провести аналогию на примере двух текстов.

Результаты и обсуждения

Первый текст для анализа – притча августинского монаха Абрахама а Санта-Клара «Der blinde und der lahme Bettler».

Fürwahr, jene zwei Bettler haben sehr verständig gehandelt, deren einer an beiden Füßen krumm und lahm, der andre an beiden Augen stockblind, indem sie beratschlagten, wie sie doch möchten in einen gewissen Ort kommen. »Ich«, sagt der Blinde, »hab sehr gute Fuß und kann stattlich gehen. Es mangelt mir aber das Gesicht, und weil du ein gutes Gesicht hast, entgegen lahme und krumme Fuß, also will ich dich auf meinen Achseln tragen. Du mußt mir aber den Weg zeigen, der ich stockblind bin.« Sind also diese zween armen Bettler nach allem Wunsch an den bestimmten Ort gelangt.

Es scheint demnach nichts Schöners, als wenn einer dem andern Hülff leistet.

Притча «Der blinde und der lahme Bettler» является двухсистемной в плане своей темпоральной, локальной, модальной, референтной и персональной структуры, так как в тексте присутствует план автора (zwei Bettler haben sehr verständig gehandelt...) и план персонажей («Ich», sagt der Blinde...).

С точки зрения грамматического построения в притче «Der blinde und der lahme Bettler» соотношение временных форм глаголов настоящего времени в прямой речи и морали (sagt, hab, kann, scheint) и прошедшего времени в авторской речи (haben gehandelt, sind gelangt) указывает на политемпоральность текста по категории времени. Также в тексте присутствует нарушения временного континуума, благодаря межфразовой проекции (sie beratschlagten, wie sie doch möchten in einen gewissen Ort kommen). Степень насыщенности темпоральными сигналами, как на уровне предложения, так и на уровне текста, является нулевой.

К локальным сигналам можно отнести синсемантические обстоятельства места in einen gewissen Ort и ans bestimmten Ort, существительное der Weg, а также глаголы kommen, gelingen. Текст по категории локальности, следовательно, будет синсемантически детерминированный (нет конкретизации места событий), полилокальный (поскольку автор предполагает смену места главными героями: möchten in einen gewissen Ort kommen – sind also...ans bestimmten Ort gelangt) и неоднородный по языковым средствам (есть существитель-

ные, прилагательные и глаголы с локальной семантикой). Насыщенность локальными сигналами в рамках одного предложения и в тексте является низкой.

Категория модальности выражена с помощью глаголов в *Indikativ*, модальных глаголов *möchten*, *wollen*, *können*, частицы *doch*, модальных слов *fürwahr*, *demnach*, наречий *verständlich*, *stattlich* формы *es scheint*, прилагательного с модальным оттенком *stockblind* и союзов *als wenn* и *indem*. Таким образом, модальная архитектура текста характеризуется как детерминированная с высокой насыщенностью модальных средств, мономодальная (все глаголы в форме одного наклонения) и неоднородная (выражена глаголами в изъявительном наклонении, модальными глаголами и модальными словами, модальной частицей, союзом, формой *es scheint*, наречиями).

Относительно категории референтности необходимо выделить саму суть проблемы, с которой столкнулись главные герои, а именно с необходимостью попасть в другой город. Данная проблема раскрывается с помощью референтных сигналов разных уровней: морфологического – *stockblind*, морфолого-синтаксического – *sehr gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*, *ein gutes Gesicht*, *auf meinen Achseln tragen*, *den Weg zeigen* и синтаксического – *kann stattlich gehen*, *möchten in einen gewissen Ort kommen*, *Es mangelt mir...das Gesicht*, *Sind...an den bestimmten Ort gelangt*. Референтная архитектура текста является детерминированной и автосемантической, монореферентной, ненасыщенной (всего один референт), неоднородной (выражена морфологическими, морфолого-синтаксическими и синтаксическими средствами).

Персональные семы содержат следующие элементы текста:

jene...zwei...Bettler...haben...gehandelt...deren.einer...der..andere..sie...beratschlagten...sie...möchten...ich...sagt...der...Blinde...hab...kann...mir...du...hast...will...ich...dich...meinen...du...musst...mir...ich...bin...sind.gelangt...diese...zwei...arme...Bettler...einer...dem..anderen...leistet

Характеристики текста притчи по категории персональности будут следующие: детерминированный и автосемантический (согласно построенной архитектонике, в тексте есть языковые средства с персональной семантикой), полиперсональный (два нищих и абстрактное лицо в морали) и неоднородный (репрезентируется с помощью существительных, личных окончаний глаголов, числительных, личных, притяжательных и указательных местоимений).

Архитектонику текста притчи можно представить в виде следующей цепочки символов относительно каждой из категорий:

М..П..П..П..М/П..М..М..П....П....М..М..П..М/П..П..М..М/П..Л/Р..М/Л..П..М/П..П..П..М/П..М..Р..М/П..М..Р..М/Л..Р..М..П..П..Р..М/П..Р..М/П..П..П..Р..П..М..П..М/П..П..Л..Р..М..П/Р..М..М/П/Р..М/П/Л..П..П....П..М..Л..М..М..М..П..П..М/П

Иерархия представленных категорий выглядит следующим образом: доминантные категории – Персональность и Модальность; второстепенная категория – Референтность; нейтральные категории – Локальность и Темпоральность.

Проведем анализ притчи «Der blinde und der lahme Bettler» на соответствие всем характерным жанровым характеристикам, а также их сочетаемость с инвариантными признаками по категориям темпоральности, локальности, модальности, референтности и персональности [6].

О лаконичности данного текста можно говорить благодаря нулевой концентрации темпоральных и низкой концентрации локальных сигналов в рамках одного предложения, а также ненасыщенности текста указателями времени и невысокой насыщенности указателями места. При этом автор не акцентирует внимание читателя на конкретизации данных указателей, ограничиваясь синсемантическими языковыми средствами (*in einen gewissen Ort*, *kommen*, *gelingen* и т.д.). Важно отметить ненасыщенность текста и по категории референтности (один референт).

Авторский план речи позволяет отметить повествовательный стиль притчи. Повествование ведется от третьего лица с использованием глаголов в формах прошедшего и настоящего времен (*haben...gehandelt*, *beratschlagten*, *möchten*, *leistet*) в наклонении *Indikativ*. Автосемантическая детерминация и неоднородность категорий референтности и персональности раскрывает, соответственно, двух главных действующих лиц притчи (*zwei Bettler*) и их трудности (*sehr gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*, *Es mangelt mir...das Gesicht...*), а смена действий, характерная для повествовательного стиля, выражается с помощью высокой степени насыщенности модальными средствами (*möchten kommen*, *gehen*) и с помощью детерминации и неоднородности локальных маркеров (*in einen gewissen Ort*, *gelingen*).

Через субстантивацию основных персонажей (*der Blinde*) и референтные сигналы (*krumm und lahm*, *stockblind*, *gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*) автор иносказательно подразумевает разные трудности, которые могут встретиться на жизненном пути каждого человека. А за счет детерминации и неоднородности модаль-

ных сигналов (*sehr, doch möchten, es mangelt*) Abraham a Sancta Clara подчеркивает гипотетическую степень сложности преодоления этих трудностей.

Дидактизм выражен в первую очередь за счет наличия авторской подсистемы речи, а также модальной детерминации с высокой насыщенностью модальных средств и мономодальностью. С помощью неоднородных модальных маркеров (*Fürwahr, also, nach allem Wunsch, es scheint, demnach, als wenn*) автор выражает свое оценочное суждение.

Говоря о построении данного примера, можно отметить параболическое развитие сюжета, характерное для кольцевой композиции. Данный признак реализуется за счет раскрытия основного эксплицитного референта - в конце притчи читатель понимает, что задача, которую ставит автор перед героями в самом начале (*möchten in einen gewissen Ort kommen*) по итогу выполняется, и они вместе достигают желанного места (*sind also...ans bestimmten Ort gelangt*).

Автор не вводит авторсеманичные характеристики места событий и временного промежутка, что делает сам текст универсальным.

Мораль притчи в данном примере выражена эксплицитно в последнем предложении («*Es scheint demnach nichts Schöners, als wenn einer dem andern Hülff leistet*» / «Нет ничего прекраснее, чем, когда один помогает другому»).

Она подчеркивается за счет политемпоральности, потому что авторская речь построена в форме прошедшего времени (перфект и претеритум – *haben..gehandelt, beratschlagten*), а в морали используется настоящее время (*scheint, leistet*). Также насыщенность неоднородными модальными сигналами (*Es scheint, demnach, als wenn*) и авторсемантическая детерминация, полиперсональность и неоднородность категории персональности (*einer dem andern...leistet*), указывает на авторское отношение к оказанию взаимопомощи.

Таким образом, данный текст притчи включает в себя все жанровые признаки притчи: лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевую композицию и универсальность, наличие морали.

Статистический анализ участия инвариантных признаков каждой из категорий позволяет построить цепочку символов, обозначающих основные текстовые категории, для каждого жанрового признака притчи:

- Лаконизм – ТЛР,
- Повествовательный стиль – ТЛМПП,
- Иносказание – РПМ,
- Дидактизм – ТЛМПП,
- Кольцевая композиция – Р,
- Универсальность – ограничения Т и Л,
- Мораль – ТМП.

Следовательно, высокую активность демонстрируют инвариантные признаки категорий темпоральности и референтности (участвуют в реализации пяти жанровых признаков), инвариантные признаки категорий локальности, модальности, персональности – умеренную (участвуют в реализации четырех жанровых признаков).

В данном примере обращает на себя внимание дихотомический контраст активности категорий темпоральности, локальности. Категории темпоральности и локальности являются нейтральными в иерархической структуре, но их инвариантные признаки демонстрируют повышенную активность для жанрового построения. При этом позиции категорий референтности, персональности и модальности меняются незначительно, однако, как со стороны типа текста, так и со стороны жанра играют ведущие роли.

В качестве примера рассмотрим еще одну притчу «О зерне горчичном» из Евангелия от Марка (Мк. 4:30-32, нумерация сохраняется по Евангелию).

Das Gleichnis vom Senfkorn

Er sagte: Womit sollen wir das Reich Gottes vergleichen, mit welchem Gleichnis sollen wir es beschreiben?

Es gleicht einem Senfkorn. Dieses ist das kleinste von allen Samenkörnern, die man in die Erde sät.

Ist es aber gesät, dann geht es auf und wird größer als alle anderen Gewächse und treibt große Zweige, sodass in seinem Schatten die Vögel des Himmels nisten können.

Относительно планового построения в тексте притчи «Das Gleichnis vom Senfkorn» присутствует подсистема автора и основного рассказчика – Иисуса (*Er sagte...*), поэтому каждая из 5 категорий является двусистемной.

Основная стержневая форма повествования в данном тексте – это форма настоящего времени (*sollen..vergleichen, ist, geht..auf...*), при этом стоит отметить, что сама притча в Евангелие вводится с помощью прошедшего времени – *Präteritum* (*sagte*). Нарушения временного континуума выявлены не были. Действие

разворачивается последовательно, описывая весь жизненный цикл зерна (Senfkorn), тем самым подчеркивая рамочную композицию. В качестве темпоральных сигналов можно отметить только синсемантический союз *dann*, следовательно, степень насыщенности на уровне текста и предложения является крайне низкой. Темпоральность текста получается детерминированной и синсемантической, политемпоральной со стержневой формой настоящего времени и однородной (выражена союзом).

В тексте отсутствует большое количество локальных маркеров, поэтому насыщенность предложений и текста сигналами является низкой. Локальность данной притчи является детерминированной, синсемантической и полилокальной – в тексте говорится о Божьем Царстве (*das Reich Gottes*) и о нашем мире (*in die Erde...*), но без территориальной конкретизации. Текст по категории локальности является однородным и выражен языковыми средствами морфолого-синтаксического уровня (*das Reich Gottes, in die Erde, in seinem Schatten...*).

К модальным сигналам можно отнести глаголы в изъявительном наклонении (*gleichet, ist, wird...*) и модальные глаголы (*sollen, können*). Таким образом, модальность текста определяется как детерминированная с низкой насыщенностью модальных маркеров, одномодальная (один модальный план), однородная (выражена только глаголами).

Центральным эксплицитным референтом данной притчи является Божье Царство (*das Reich Gottes*), которое сравнивается с горчичным зерном (*Senfkorn*). Референт актуализируется языковыми средствами разных уровней – морфологического (*es*), морфолого-синтаксического (*in seinem Schatten*), синтаксического (*es gleicht einem Senfkorn, dieses ist das kleinste, ist es gesät, dann geht es auf und wird größer als, treibt große Zweige*). Поэтому референтность представляется детерминированной и автосемантической, ненасыщенной и монореферентной (один референт), неоднородной (участвуют средства разных языковых уровней).

Для характеристики текста по категории персональности выделим все языковые средства с персональными семами:

Er..sagte..sollen..wir..sollen..wir..man..sät

Персональную структуру можно охарактеризовать как детерминированную и автосемантическую, полиперсональную (Иисус, *wir, man*) и неоднородную (выражена личными местоимениями, местоимением *man* и окончаниями глаголов).

Архитектоника текста притчи, её каркас, с учётом участия категорий темпоральности (Т), локальности (Л), модальности (М), референтности (Р) и персональности (П) можно представить в виде следующей цепочки символов:

П/Р..М/П..М/П..П..Л/Р..М..М/П..П..Р..М..Р..М..П..Л..М..М..Р..Т..М..Р..М..М..Р..Л..Л..М..М

Таким образом, иерархия представленных категорий выглядит следующим образом: доминантные категории – Модальность и Референтность; второстепенная категория – Персональность; нейтральные категории – Локальность и Темпоральность.

Анализ соответствия притчи «О зерне горчичном» всем жанровым особенностям притч начнем с лаконичности. Лаконичность текста подчеркивается за счет крайне ненасыщенной выраженности категорий темпоральности, локальности, модальности и референтности. При этом темпоральные и локальные сигналы являются синсемантическими (*dann, in die Erde, in seinem Schatten...*), без указания конкретных временных и географических реалий.

Двусистемность всех категорий отражает признак повествовательного стиля. Автор ведет свое повествование в прошедшем времени, а рассказчик (Исус) в настоящем времени *sollen..vergleichen, ist, geht..auf...*. Все события описаны в изъявительном наклонении – *Indikativ*. При этом референтная и персональная детерминация и неоднородность (*es, in seinem Schatten.../ Er..sagte..sollen..wir..sollen..wir..man..sät*) позволяют читателю не только детально проанализировать основного референта, но и обратить внимание на всех действующих лиц.

Иносказание в данном тексте выражено напрямую за счет эксплицитного референта – *das Reich Gottes*, неоднородно детерминированного на разных уровнях (морфологическом, морфолого-синтаксическом и синтаксическом). Данный прием автор усиливает за счет использования глаголов со сравнительной семантикой (*vergleichen, beschreiben, gleicht*).

Дидактизм проявляется уже с первых слов с помощью политемпорального контраста авторской системы речи и речи рассказчика (*Präteritum – Prasens*), тем самым все рассказанное воспринимается как нечто пережитое. Использование модальных глаголов и местоимения *wir* в риторическом вопросе (*Womit sollen wir das Reich Gottes vergleichen, mit welchem Gleichnis sollen wir es beschreiben?*), как и безличного местоимения *man* способствует тому, что читатель сам чувствует себя участником размышлений и пытается найти ответ на данный вопрос.

Кольцевая композиция прослеживается в данном примере в самом сравнительном описании изменений, происходящих с основным детерминированным референтом, а следовательно, с горчичным зерном – от этапа посева (*Ist es aber gesät*) до момента прорастания (*geht es auf und wird größer..treibt große Zweige*).

Характерное для притчи отсутствие автосемантических локальных и темпоральных детализаций позволяет считать данный текст универсальным.

В притчи нет явно выраженной морали, она скрыта в сопоставлении Царства Божьего и горчичного зерна, которое благодаря трудолюбию из крошечного зернышка произрастает до огромного дерева, способного укрыть птиц в своих ветвях. (*Dieses ist das kleinste von allen Samenkörnern..., treibt große Zweige, sodass in seinem Schatten die Vögel des Himmels nisten können.*)

Данный текст притчи включает в себя 6 из 7 жанровых признаков притчи: лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевую композицию и универсальность.

Структура корреляции жанровых признаков и типологических характеристик:

- Лаконизм – ТЛМР,
- Повествовательный стиль – ТЛМРП,
- Иносказание – РМ,
- Дидактизм – ТЛМРП,
- Кольцевая композиция – Р,
- Универсальность – ограничения Т и Л.

Высокую активность демонстрируют инвариантные признаки категории референтности (участвуют в реализации пяти жанровых признаков), инвариантные признаки категорий темпоральности, локальности, модальности – умеренную (участвуют в реализации четырех жанровых признаков), персональности – низкую (участвуют в реализации двух жанровых признаков).

Во втором тексте религиозной притчи можно подвести аналогичные итоги текстового анализа относительно участия категорий локальности и темпоральности и их инвариантных признаков. С точки зрения типа текста выстроенная архитектура указывает на их нейтральность, при этом их инвариантные признаки будут достаточно активными для жанрового построения.

Инвариантные признаки категории персональности демонстрируют более низкую активность по сравнению с первым текстом, однако, с учетом отсутствия одного из жанровых признаков (наличие морали) можно отметить схожую тенденцию.

Что касается категорий референтности и модальности, то они также занимают ведущие места в иерархии типологического каркаса притчи, и степень участия их инвариантных признаков в жанровых характеристиках значительна.

Выводы

Таким образом, можно подвести совокупный итог анализа религиозных притч. Религиозные притчи монахов и притчи из Евангелий демонстрируют зеркальные корреляционные активности текстовых категорий в реализации жанровых признаков. При этом отсутствие или наличие одного из жанровых признаков влияет только на количественный фактор, сохраняя общую структуру их распределения.

Относительно текстовых архитектур, формируемых категориями темпоральности, локальности модальности, персональности и референтности притч, следует отметить, что они также схожи, однако обнаруживают разную иерархию доминантных, второстепенных и нейтральных категорий.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что в религиозной притче возможна доминантность категории персональности, в том случае, когда для автора первостепенным являются характеристика действующих героев, события, происходящие с ними, их действия и поступки. А когда же в религиозной притче на первый план выходит референтность, то внимание читателя акцентируется на метафоричном раскрытии основного эксплицитного референта, чем подчеркивается иносказательность идеи целого текста.

Список источников

1. Алексеева Е.М. Текстоментальные категории евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 713 – 719.
2. Велижанина Е.М. Лингвостилистические тенденции текстатива в процессе сакральной интерпретации новозаветной притчи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 68 – 72.
3. Измайлова М.А. Использование в Новом Завете притчевых структур в качестве средства воздействия на сознание слушателей // Лингвокультурология. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-novom-zavete-pritchevykh-struktur-v-kachestve-sredstva-vozdeystviya-na-soznanie-slushateley> (дата обращения: 08.09.2025).

4. Каменщиков Д.А. Евангельская притча как теоретическая основа миссиологии // Труды СПДС. 2017. № 11. С. 100 – 123.
5. Левченко М.Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 2. С. 1 – 10.
6. Левченко М.Н., Горшков И.П. Феномен категорий текста как основополагающее условие формирования текста немецкой притчи // Modern Humanities Success. 2025. № 9. С. 46 – 51.
7. Макапетыан А.Г. Языки описания и модели мира (постановка вопроса) // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 53 – 65.
8. Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. СПб., 1999. С. 151.
9. Синило Г.В. Жанр притчи и его модификации в Библии // Скрижали / сост. и гл. ред. В.В. Акимов. Минск: Ковчег, 2015. Вып. 9. С. 7 – 27.
10. Таушев А. Четвероевангелие. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 2006. С. 145.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/Markus4> (дата обращения: 07.09.2025).
12. Krusche D. Aufschluss – Kurze deutsche Prosa im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. 1992. 93 p.

References

1. Alekseeva E.M. Textual-mental categories of the Gospel parable (based on the German and Russian languages). Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2024. Vol. 17. Iss. 3. P. 713 – 719.
2. Velizhanina E.M. Linguistic and stylistic tendencies of the text in the process of sacred interpretation of the New Testament parable. Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2011. No. 1. P. 68 – 72.
3. Izmailova M.A. The use of parable structures in the New Testament as a means of influencing the consciousness of listeners. Lingvoculturology. 2014. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-novom-zavete-pritchevykh-struktur-v-kachestve-sredstva-vozdeystviya-na-soznanie-slushateley> (date of access: 08.09.2025).
4. Kamenshchikov D.A. The Gospel Parable as a Theoretical Basis of Missiology. Proceedings of the SPDS. 2017. No. 11. P. 100 – 123.
5. Levchenko M.N. Linguistic Architectonics of the Text of the Lord's Prayer. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2013. No. 2. P. 1 – 10.
6. Levchenko M.N., Gorshkov I.P. The Phenomenon of Text Categories as a Fundamental Condition for the Formation of the Text of a German Parable. Modern Humanities Success. 2025. No. 9. P. 46 – 51.
7. Maksapetyan A.G. Languages of Description and Models of the World (Statement of the Question). Issues of Philosophy. 2003. No. 2. P. 53 – 65.
8. Raiken L. The Bible as a Monument of Fiction. St. Petersburg, 1999. 151 p.
9. Sinilo G.V. The Genre of Parable and Its Modifications in the Bible. Tablets. Compiled and ed.-in-chief V.V. Akimov. Minsk: Kovcheg, 2015. Iss. 9. P. 7 – 27.
10. Taushev A. The Four Gospels: A Guide to the Study of the Holy Scriptures of the New Testament. Moscow, 2006. 145 p.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/Markus4> (date of access: 07.09.2025).
12. Krusche D. Aufschluss – Kurze deutsche Prosa im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. 1992. 93 p.

Информация об авторах

Горшков И.П., Государственный университет просвещения, gorivang@gmail.com

© Горшков И.П., 2025